

ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ОПРЕДЕЛЕНИИ «КОРИДОРА» ДОПУСТИМЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.М. Якимова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
14 августа 2021 г.
Дата принятия в печать –
10 декабря 2021 г.
Дата онлайн-размещения –
20 марта 2022 г.

Ключевые слова

Предпринимательская деятельность, Европейский Суд по правам человека, расширительное толкование, экономические права, право собственности, свобода предпринимательской деятельности

Исследуется практика Европейского Суда по правам человека по делам об определении правомерности ограничения свободы предпринимательской деятельности. Установлено, что, несмотря на определение круга защищаемых прав и свобод положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) в своей практике расширительно толкует перечень прав и свобод, получающих защиту в ЕСПЧ. Сделан вывод, что ЕСПЧ в своих решениях обосновывает защиту свободы предпринимательской деятельности ее имманентной связью с правом собственности, а также универсальностью критериев определения правомерности ограничения прав и свобод человека и гражданина. Практика ЕСПЧ по признанию свободы предпринимательской деятельности в качестве фундаментальной свободы через закрепленное в Конвенции право собственности позитивно сказывается на формировании равновесного экономического пространства и создании условий для экономического развития стран, входящих в Совет Европы.

PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN DEFINING THE RANGE OF PERMISSIBLE RESTRICTIONS ON THE FREEDOM TO CONDUCT A BUSINESS

Ekaterina M. Yakimova

Baikal State University, Irkutsk, Russia

Article info

Received –
2021 August 14
Accepted –
2021 December 10
Available online –
2022 March 20

Keywords

Business activity, the European Court of Human Rights, broad interpretation, economic rights, ownership, freedom to conduct a business

The subject of the article is the application of the concept of the range of permissible restrictions on rights and freedoms that not enshrined in the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the practice of the European Court of Human Rights.

The purpose of the research is to identify the basic position of the Court on the question of determining the degree of proportionate balance between public and private interests in establishing restrictions on the rights and freedoms of a person in the sphere of business activity.

The methodology. In the process of the research, both general scientific and special methods of knowing socio-legal phenomena (formal legal method, circular causality method) were used. The multivariance of achieving common standards for assessing the range of permissible restrictions on the freedom to conduct a business is determined by analyzing the balanced influence of internal and external factors, the interaction of many dichotomies and adichotomies.

Results, scope of application. The provisions of the Convention define the range of rights and freedoms protected. However, the Court in its practice broadly interprets the list of rights and freedoms protected by the Convention. The Court considers the Convention as a "living instrument" in order to adapt it to changing conditions of public life. The Court's current practice does not imply that the Court has exceeded its powers. The court implements the idea of circular causality of legal phenomena, perceived including in European space. European tradition recognizes the possibility of changing the legal space in different ways. The main way of transforming the legal system is to change quantitative parameters. It is possible to accumulate the qualities of practical implementation of the principles enshrined in the Convention by ensuring the realization of human rights and fundamental

freedoms. Investigators of the Court's practice mainly analyse the characteristics of the protection of human rights and freedoms explicitly mentioned in the Convention. The complexity of the study of the Court's practice for the protection of unrecognized human rights and freedoms stems from its heterogeneity. However, an analysis of the practice of protecting such rights and freedoms reveals the internal mechanisms of the Court to ensure the equilibrium of legal space. The article defines the basic position of the Court on the question of determining the degree of proportionate balance between public and private interests in establishing restrictions on the rights and freedoms of a person and a citizen not expressly enshrined in the Convention. The realization of economic rights and freedoms requires the greatest flexibility of the mechanism for the protection of rights and freedoms. Intensive economic development requires a rapid change in the legal space. The interpretation of human rights and freedoms has an impact on the level of protection of the economic rights and freedoms. The text of the Convention has been modified without adopting its new edition.

Conclusions. Law enforcers are particularly interested in analyzing the Court's practice in cases related indirectly to the protection of freedom to conduct a business. The Court determines the main vectors of interpretation of the freedom to conduct a business. Law enforcers can use the Court's approach in interpreting the provisions of the Convention without risking being accused of human rights and freedoms violations. The generalizations make it possible to establish the ideological and substantive component of the basic axiological imperative of the Court in the protection of the economic rights and freedoms through the protection of the right to property. It was concluded that the Court's decisions justified the need to protect the freedom to conduct a business by its inherent connection with the right to property, as well as the universality of the criteria for determining the legality of restricting the rights and freedoms.

1. Введение

Формирование правовой идеологии Глобального Севера (см.: [1, р. 224–281]) во многом произошло за счет выработки единой европейской политики, направленной на унифицированное понимание фундаментальных прав и свобод и единой практики в толковании соответствующих правовых норм. Положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – ЕКПЧ, Конвенция) определяют круг защищаемых прав и свобод, вместе с тем Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) в своей работе расширительно толкует перечень прав, получающих защиту в ЕСПЧ. Кроме того, следует учитывать, что правоприменители различных стран и надгосударственных образований могут устанавливать более или менее четкие критерии определения правомерности ограничения права, поскольку права имманентно связаны с правами других субъектов, интересами государства и общества в целом. В случае с ЕСПЧ речь идет о сформировавшейся и нашедшей подтверждение в практике Суда системе критериев правомерности ограничения прав. В представленном исследовании предпринята попытка установить базовую позицию Суда в вопросе об определении степени соразмерной сбалансированности публичных и частных интересов при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина, прямо не закрепленных в Конвенции. Исследование практики ЕСПЧ в де-

лах, опосредованно касающихся защиты свободы предпринимательской деятельности, представляют особый интерес, поскольку сделанные выводы позволят установить идейно-содержательную компоненту базового аксиологического императива ЕСПЧ при защите экономических прав и свобод через прямо защищаемое Конвенцией право собственности.

Сложившаяся практика ЕСПЧ по расширительному толкованию положений ЕКПЧ не означает превышение Судом своих полномочий, а отражает воспринятую, в том числе на европейском пространстве, идею круговой причинности правовых явлений, когда происходит не только изменение количественных параметров правовой системы, но и формирование качеств практической реализации принципов, закрепленных в ЕКПЧ, через обеспечение реализации фундаментальных прав и свобод человека и гражданина.

Вопросы определения пределов возможных ограничений прав и свобод получили глубокую проработку в трудах как отечественных [2–5], так и зарубежных авторов [6; 7]. Несмотря на использование в процессе познания различной терминологии (преимущественно, *вмешательство* – в западноевропейской правовой науке и *ограничения* – в отечественной, данный термин будет использоваться по тексту настоящей работы), проведенные по данной тематике исследования, в целом, имеют общий ба-

зовый императив – представление о наличии «коридора возможностей» при реализации прав человека и «коридора» допустимого ограничения прав со стороны государства, поскольку иного механизма поддержания сбалансированного конституционного правопорядка в процессе пользования правами и свободами просто не существует [8, с. 27]. Чаще всего исследователями в качестве объекта рассматривается деятельность ЕСПЧ по защите прав и свобод, четко закрепленных в ЕКПЧ [9–12], реже – прав и свобод, имеющих имманентную связь с правом или свободой, закрепленной в Конвенции, и поэтому также получающей правовую защиту в ЕСПЧ [13–15]. Однако в связи с динамичным формированием цифровой матрицы общества традиционные подходы не в полной мере отвечают вызовам времени. В целях обеспечения четкого понимания предпринимательским сообществом «коридора» своих возможностей при осуществлении предпринимательской деятельности практика ЕСПЧ играет важнейшую роль. Для России опыт ЕСПЧ в выработке унифицированных правил относительно ограничений предпринимательской деятельности может быть востребован в свете активной работы Конституционного Суда РФ по балансировке экономического пространства правовыми средствами, а также формированию и реализации государственной экономической политики.

2. Концепция ограничения прав и свобод человека и гражданина: базовые категории

Права и свободы имеют имманентную связь с такими проявлениями, как ограничение прав, конституционные обязанности, несоблюдение которых является основанием для применения мер конституционного принуждения, в том числе мер юридической ответственности. При этом разграничение между схожими категориями «ограничение», «пределы», «вмешательство», «умаление», «отрицание», «отмена», «лишение» прав человека однозначного решения не имеет (см.: [16]).

Как представляется, из всех терминологических споров в рамках настоящего исследования имеет значение разграничение категорий «ограничение» и «вмешательство», а также ограничений и имманентных (естественных) пределов прав, что обусловлено спецификой рассматриваемой проблематики.

Современная модель ограничения прав и свобод человека и гражданина (подробнее см.: [17; 18]) базируется на понимании того, что возможности ограничения прав человека связаны с «объективной потребностью общества и государства» [19, с. 144], с наличием у индивида «коридора» поведенческих возможностей [20, с. 433].

Конституция РФ оперирует словосочетанием «ограничение права», однако стоит отметить, что, например, в Германии, многих других странах Совета Европы в целом развита концепция «вмешательства» государства в права человека – уровень ограничения прав оценивается как вторжение государства в правовой статус личности и воспринимается негативно, если для такого вмешательства нет необходимых условий. В связи с этим, помимо ограничения права как правомерного действия со стороны государства, возможно также «вмешательство» [21]. Если ограничение права (*Schranken*) рассматривается как установление пределов пользования правами и свободами [22, s. 76], например ограничение тайны переписки, почтовой, телеграфной и телефонной связи (п. 1 ч. 2 ст. 5 Основного закона ФРГ), то вмешательство (*Eingriff*) – это вторжение, негативное изменение состояния или влияние на него [23, s. 186], например ограничение права на жизнь (п. 3 ч. 2 ст. 2 Основного закона ФРГ). В качестве недопустимых негативных действий выделяются ущемление (*Benachteiligen*), т. е. «отказ в предпочтении (дискриминация) или, напротив, предоставление привилегий» [24, s. 34] (п. 1 ч. 3 ст. 3 Основного закона ФРГ), препятствия (*Behindern*) – предотвращение ситуации, создание помех для ее реализации [22, s. 76] (к примеру, п. 2 ч. 3 ст. 9 Основного закона ФРГ не допускает создание препятствий к осуществлению права на объединение, свободы забастовочной борьбы), нарушение (*Verletzung*) – преступление обязанности соблюдения установленных правил поведения [22, s. 73] (например, п. 2 ч. 1 ст. 2 Основного закона ФРГ закрепляет недопустимость нарушения свободы личности). Представляется, что применительно к свободе предпринимательской деятельности в большей степени употребим термин «вмешательство», поскольку не просто устанавливаются пределы пользования правом (пределы установить невозможно, поскольку предпринимательская деятельность многогранна, только если говорить об имманентных пределах), а происходит правомерное вторжение в деятельность субъектов предпринимательской деятельности, влияние на нее с целью поддержания баланса публичных и частных интересов, интересов работников или потребителей. Вместе с тем использование термина «ограничение» имеет сложившуюся традицию применения в российской юридической науке.

Различия между ограничениями прав человека и имманентными пределами права сторонники их выделения [25–29] видят в их правовой природе и особенностях проявления в правовом пространстве. Например, Б.С. Эбзеев производит разграничение

данных понятий через установление различий между категориями «конституционное ограничение» и «ограничение основных прав». Если категория «конституционные ограничения» включает в себя помимо ограничений основных прав и свобод также имманентные пределы основных прав, которые зафиксированы в самой Конституции и представляют собой не ограничение основных прав, а определение их границ, нормативного содержания и круга правомочий (см.: [30]), то «ограничение основных прав может происходить на уровне федеральных законов в рамках, допускаемых Конституцией, и касается как прав и свобод, содержащихся в Конституции, так и прав и свобод, которые являются производными от них» [27, с. 62].

Свобода предпринимательской деятельности является ярким примером правомочия, в исследовании которого теория имманентных пределов позволяет определить причину и возможные варианты ограничительного воздействия государства в процессе его реализации. Действительно, рассматриваемое правомочие немислимо вне рамок соблюдения прав и свобод других участников экономических отношений, что обуславливает наличие не только конституционных ограничений и даже ограничений доконституционного уровня, основанных на идее справедливости при осуществлении экономических отношений, но и ограничений данного правомочия текущим законодательством.

Идея об ограничении предпринимательской деятельности имеет и более универсальное понимание в юридической науке. Для российской науки и практики, в том числе Конституционного Суда РФ, свобода предпринимательской деятельности возможна лишь в рамках установленных государством запретов и ограничений, которых, стоит признать, достаточно много, поскольку «безграничная свобода одних может превратиться в произвол по отношению к другим участникам гражданского оборота» [31, с. 16] (что в полной мере соответствует концепции «регулируемого предпринимательства» [32, р. 383, 385]).

3. Критерии определения правомерности ограничения прав и свобод человека и гражданина, выработанные Европейским Судом по правам человека

Совет Европы в своей правотворческой и правоприменительной деятельности уделяет большое внимание вопросам придания сложному вопросу определения «коридора» допустимого ограничения прав и свобод человека и гражданина признаков единообразно толкуемых (насколько это возможно) правовых явлений.

В ст. 8–11 ЕКПЧ обозначено, что публичные власти могут ограничить права частных лиц в интересах национальной безопасности и общественного порядка. Кроме того, в ч. 1 ст. 1 Протокола № 1 установлено, что «никто не может быть лишен своего имущества (*possessions*) иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»¹. Иными словами, «допускалось изъятие собственности “в интересах” (*public interest*), толкуемых властями подчас весьма широко в силу так называемой доктрины “поля усмотрения” (*margin of appreciation*) государств... (интересно, что в России данное понятие переводится как свобода усмотрения)» [33, с. 149].

ЕСПЧ четко обозначает критерии правомерности ограничений (вмешательства):

– предусмотренность законом (оспариваемая мера должна иметь основание в национальном законодательстве, закон должен быть «доступен для соответствующего лица»²);

– правовая «предсказуемость» как качественная характеристика национального закона³ (законодательство «должно быть достаточно ясным в своих формулировках»⁴, с тем чтобы «избежать всякого риска произвола и позволить гражданину – если это необходимо, при предоставлении соответствующей консультации – предвидеть в той степени, которая является разумной при обстоятельствах конкретного дела, последствия, которые данное действие может за собой повлечь»⁵, т. е. чтобы граждане имели

¹ Протокол № 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 44. Ст. 5400.

² Постановление ЕСПЧ от 2 сентября 2010 г. (Секция V) по делу Узун (Uzun) против Германии (жалоба № 35623/05) // «Совесть Европы» в действии: 350 решений Европейского Суда по правам человека: компедимум практики Европейского Суда по правам человека / отв. ред. М.Т. Тимофеев, Н.М. Секретарева. М.: Ин-т права и публич. политики, 2019. С. 679.

³ См., напр.: Постановление от 14 декабря 2010 г. (Секция II) по делу Терновски (Ternovszky) против Венгрии (жалоба № 67545/09) // «Совесть Европы» в действии. С. 562.

⁴ Постановление ЕСПЧ от 2 сентября 2010 г. (Секция V) по делу Узун (Uzun) против Германии. С. 679.

⁵ Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 29 марта 2010 г. по делу Медведев (Medvedyev) и другие против Франции (жалоба № 3394/03) // «Совесть Европы» в действии. С. 273.

надлежащее представление об условиях и обстоятельствах ограничения);

– соблюдение принципа верховенства закона («национальное законодательство должно обеспечить адекватную защиту от произвольного вмешательства в права»⁶, «любых злоупотреблений и произвола»⁷, в том числе «в рамках состязательного разбирательства со стороны независимых органов, уполномоченных проверить основания, по которым были приняты эти меры»⁸;

– необходимость (пропорциональность) (данный критерий означает, что вмешательство отвечает настоящей потребности и является пропорциональным преследуемой правомерной цели⁹, «необходимо в демократическом обществе для достижения»¹⁰ правомерных целей, государство «реализовало свою дискрецию добросовестно, осторожно и разумно»¹¹, следовательно, свобода усмотрения государства «не является неограниченной»¹²; кроме того, данный критерий означает необходимость определения, было ли установлено справедливое равновесие между требованиями защиты интересов общества и требованиями защиты основных прав человека¹³).

Данные критерии универсальны и могут быть при необходимости актуально расширены.

4. Практика Европейского Суда по правам человека в определении «коридора» допустимого ограничения свободы предпринимательской деятельности

Закрепление в ЕКПЧ экономических прав и свобод носит ограниченный характер в силу наличия у государства широкого экономического суверени-

тета, вместе с тем в процессе толкования ЕСПЧ практики реализации гражданских и политических прав могут возникнуть последствия «социально-экономического характера», поскольку «жесткой границы между этой сферой и содержанием Конвенции не существует» [34, с. 90]. При осуществлении лицом предпринимательской деятельности в сфере экономических отношений вовлекается и потребитель товаров и услуг, который также обладает правами, следовательно, в возникшем правоотношении оба субъекта имеют как права, так и обязанности. В данном случае в полной мере применима позиция ЕСПЧ, согласно которой запрещено вмешательство, нарушающее справедливый баланс между необходимостью защиты общих интересов, с одной стороны, и правом на уважение собственности, с другой стороны¹⁴. Стоит отметить, что для Суда понятие «имущество», следовательно и «собственность», в силу п. 1 ст. 1 Протокола № 1 не ограничивается владением материальными благами и не зависит от формальной классификации в национальном праве, поэтому под действие ст. 1 Протокола № 1 тем самым подпадает и предпринимательская деятельность, поскольку она представляет собой определенную ценность и является активом¹⁵.

Таким образом, несмотря на то, что Конвенция не устанавливает свободу предпринимательской деятельности, ЕСПЧ через защиту права собственности (право на уважение собственности, право на беспрепятственное пользование имуществом) опосредованно защищает и названную свободу. В данной связи следует исходить из понимания того, что ЕСПЧ

⁶ Постановление ЕСПЧ от 2 сентября 2010 г. (Секция V) по делу Узун (Uzun) против Германии. С. 679.

⁷ Постановление ЕСПЧ от 3 июля 2012 г. (Секция I) по делу Робатин (Robathin) против Австрии (жалоба № 30457/06) // «Совесть Европы» в действии. С. 698.

⁸ Постановление от 24 ноября 2005 г. (Секция I) по делу Акционерного общества «Кэпитал Бэнк» (Capital Bank AD) против Болгарии (жалоба № 49429/99) // «Совесть Европы» в действии. С. 1206.

⁹ См., напр.: Постановление ЕСПЧ от 3 сентября 2015 г. (Секция I) по делу Адвокатское объединение «Сервуло и партнеры» (Servulo & Associados – Sociedade de Advogados, RL) и другие против Португалии (жалоба № 27013/10) // «Совесть Европы» в действии. С. 680.

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 12 января 2016 г. (Секция IV) по делу Шабо (Szabo) и Виши (Vissy) против Венгрии (жалоба № 37138/14) // «Совесть Европы» в действии. С. 681.

¹¹ Постановление ЕСПЧ от 22 февраля 2018 г. (Секция V) по делу Либер (Libert) против Франции (жалоба № 588/13) // «Совесть Европы» в действии. С. 676.

¹² Постановление ЕСПЧ от 26 апреля 2016 г. (Секция II) по делу Политическая партия «Народная республиканская партия» (Cumhuriyet Halk Partisi) против Турции (жалоба № 19920/13) // «Совесть Европы» в действии. С. 912.

¹³ Постановление ЕСПЧ от 23 сентября 1982 г. по делу Спорронг и Лоннрот против Швеции (Sporrong and Lonnroth v. Sweden) (жалобы № 7151/75 и 7152/75). URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/sporrong-i-lonnrot-protiv-shvecii-statya-50-postanovlenie-evropejskogo-suda/>

¹⁴ Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 11 января 2007 г. по делу Компании «Анхойзер-Буш Инк.» (Anheuser-Busch Inc.) против Португалии (жалоба № 73049/01) // «Совесть Европы» в действии. С. 1210.

¹⁵ Постановление ЕСПЧ от 30 ноября 2010 г. (Секция III) по делу Оклешен (Oklesen) и «Погребальные и ритуальные услуги индивидуального предпринимателя Леопольда Оклешена» (Pokopalisko pogrebne storitve Leopold Oklesen S.P.) против Словении (жалоба № 35264/04) // «Совесть Европы» в действии. С. 1211.

«в своей практике принял ряд революционных решений, развивая Конвенцию в качестве “живого инструмента”, с целью ее адаптации к изменяющимся условиям, в то же время предоставив государствам-членам свободу действий, объем которой зависит от конкретной предметной области» [35, с. 3]. Толкование ЕСПЧ Конвенции применительно к экономическим правам является проявлением «постепенного формирования эволюционного подхода Суда к толкованию положений Конвенции», в результате чего «произошла модификация текста Европейской Конвенции без принятия ее новой редакции» [36, с. 77].

ЕСПЧ не раз обращал внимание на то, что государствам следует обеспечить эффективную реализацию прав, в том числе возникающих в сфере предпринимательской деятельности. «При таких обстоятельствах государство не может просто занимать пассивную позицию»¹⁶. При этом требование законности предполагает, в том числе, наличие законодательно установленных мер правовой защиты, поскольку «любое вмешательство в право на уважение собственности должно сопровождаться процессуальными гарантиями»¹⁷, наделяющими физическое или юридическое лицо возможностью представить дело на рассмотрение уполномоченных органов с целью оспаривания меры вмешательства в право. Вместе с тем ЕСПЧ признаёт за государствами широкую свободу усмотрения при определении общественных интересов, поскольку национальные законодательные органы обладают широкими полномочиями по осуществлению социальной и экономической политики¹⁸.

Например, в деле заявителя – Компании «Совтрансавто-Луганск-Холдинг» – ЕСПЧ высказал позицию, что право компании-заявителя на уважение ее собственности было нарушено продолжительным судебным процессом, характеризовавшимся вмешательством органа исполнительной власти. Возникшая неопределенность составила нарушение ст. 1 Протокола № 1 Конвенции.

¹⁶ Постановление ЕСПЧ от 25 июля 2002 г. (Секция IV) по делу Компания «Совтрансавто-Холдинг» (Sovtransavto Holding) против Украины (жалоба № 48553/99) // «Совесть Европы» в действии. С. 1242.

¹⁷ Постановление от 24 ноября 2005 г. (Секция I) по делу Акционерного общества «Кэпитал Бэнк» (Capital Bank AD) против Болгарии. С. 1207.

¹⁸ Постановление от 9 июня 2007 г. (Бывшая Секция III) по делу Компания «Интерсплав» (Intersplav) против Украины (жалоба № 803/02) // «Совесть Европы» в действии. С. 1225.

¹⁹ См.: Постановление ЕСПЧ от 30 ноября 2010 г. (Секция III) по делу Оклешен (Oklesen) и «Погребальные и ритуальные

В другом деле¹⁹ ЕСПЧ признал отсутствие нарушений в действиях властей Словении, которые привели к прекращению деятельности индивидуального предпринимателя Л. Оклешена по предоставлению ритуальных услуг, так как было установлено, что на протяжении всего времени, в течение которого предприниматель осуществлял свою деятельность, он был осведомлен о ее временном характере, следовательно, государство обеспечило заявителя необходимой информацией своевременно и последовательно, т. е. реализовало правило правовой предсказуемости ограничения.

По мнению ЕСПЧ, государство, устанавливая дополнительные требования к осуществлению предпринимательской деятельности в рамках лицензионно-разрешительной системы, несет ответственность, в том числе и материальную, за эффективность работы системы. К примеру, ЕСПЧ признал в Постановлении от 20 ноября 1995 г.²⁰ справедливость требований судовладельцев, ассоциации взаимного страхования судовладельцев, конкурсного управляющего судоходной компании о возмещении убытков, вызванных аварией, возникшей в связи с ненадлежащим лоцманским сопровождением морских судов. Данное сопровождение являлось публичной службой, организованной государством в интересах мореплавания, следовательно, государство должно было обеспечить эффективную работу созданной системы.

ЕСПЧ защищает свободу предпринимательства через право собственности даже в ситуации, когда возникновение права у субъекта предпринимательской деятельности связано с установлением недемократического политического режима. Ярko иллюстрирует такой подход Постановление ЕСПЧ по делу «Греческие нефтеперерабатывающие заводы “Стрэн” и Стратис Андреадис (Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis) против Греции» от 9 декабря 1994 г.²¹ Заявители обжаловали отказ Правительства

услуги индивидуального предпринимателя Леопольда Оклешена» (Pokopalisko pogrebne storitve Leopold Oklesen S.P.) против Словении. С. 1211–1212.

²⁰ Постановление ЕСПЧ от 20 ноября 1995 г. по делу «Прессос Компания Навьера А. О.» и другие против Бельгии (Pressos Compania Naviera S. A. and Others v. Belgium) (жалоба № 17849/91). URL: <http://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/pressos-kompaniya-navera-a-o-i-drugie-protiv-belgii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>.

²¹ Постановление ЕСПЧ от 9 декабря 1994 г. по делу Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» и Стратис

Греции возместить издержки в связи с расторжением контракта, заключенного компанией во время пребывания у власти военного режима. Суд отметил, что демократическому греческому государству было необходимо прекратить действие контракта, который, как посчитало Правительство Греции, наносит экономический ущерб, однако Суд посчитал недопустимым ситуацию, при которой в одностороннем порядке прекратили действие некоторые основные пункты контракта, такие, например, как арбитражная оговорка, позволяющая субъекту предпринимательской деятельности защитить свои права надлежащим образом.

Таким образом, Конвенция опосредованно через гарантии права собственности защищает и свободу предпринимательской деятельности. Субъекты предпринимательской деятельности могут стать заявителями в ЕСПЧ о нарушении их прав, прямо не предусмотренных в Конвенции.

5. Заключение

Несмотря на отсутствие в Конвенции положений о свободе предпринимательской деятельности, ЕСПЧ принимает активное участие в установлении правомерности деятельности публичных органов власти в сфере предпринимательства посредством анализа соблюдения права на уважение собственности, беспрепятственное пользование имуществом

и т. п., т. е. через право собственности. ЕСПЧ в процессе рассмотрения подобных дел исходит из общей теории ограничений (вмешательства), признавая нарушение лишь в том случае, когда государством не были выполнены критерии допустимых ограничений прав. Расширительное толкование Конвенции ЕСПЧ в данной ключевых представляется оправданным, поскольку предпринимательская деятельность непосредственным образом связана с собственностью и ее использованием. Включение свободы предпринимательской деятельности в круг защищаемых прав и свобод позволяет заключить элементы институционально-экономического пространства в единое целое с дальнейшим интеграционным толкованием происходящих процессов. ЕСПЧ не сращивает право собственности и свободу предпринимательской деятельности, однако указывает на применимость метода круговой причинности и взаимной вложенности в процессы развития целостной системы через развитие отдельных ее элементов. Развитие экономики требует большей оперативности и гибкости в принятии решений, жесткость механизма защиты может привести к стагнации экономического развития. ЕСПЧ демонстрирует приверженность Совета Европы к стимулированию экономической активности на основе унифицированных практик толкования схожих ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hirschl R. *Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law* / R. Hirschl. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 320 p.
2. Крусс В. И. Ограничения прав человека и правовые ограничения: проблемы доктринального разграничения / В. И. Крусс // *Юридическая техника*. – 2018. – № 12. – С. 205–213.
3. Никитина Е. В. Ограничения конституционных прав человека законодательством субъекта Российской Федерации / Е. В. Никитина // *Журнал российского права*. – 2015. – № 11 (27). – С. 35–48.
4. Слободчикова С. Н. Свободные выборы: к вопросу о допустимых ограничениях пассивного избирательного права / С. Н. Слободчикова // *Аграрное и земельное право*. – 2019. – № 6 (174). – С. 64–66.
5. Якимова Е. М. Допустимые ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере предпринимательской деятельности / Е. М. Якимова // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. – 2018. – № 2 (55). – С. 49–54.
6. Janis M. W. *European Human Rights Law : Text and Materials* / M. W. Janis, R. S. Kay, A. W. Bradley. – Oxford University Press, 2008. – 957 p.
7. Шайо А. Самоограничение власти : крат. курс конституционализма / А. Шайо. – М. : Юрист, 2001. – 292 с.
8. Крусс В. И. *Теория конституционного правопользования* / В. И. Крусс. – М. : Норма, 2007. – 752 с.

Андреадис (Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis) против Греции (жалоба № 13427/87). URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461469/2461469.htm>.

9. Саакян А. Г. Право человека на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве России. Практика Европейского Суда по правам человека по применению ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод / А. Г. Саакян // Закон и право. – 2018. – № 7. – С. 97–99.

10. Слободчикова С. Н. Реализация прав осужденных в отечественной конституционно-правовой модели свободных выборов / С. Н. Слободчикова // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 6. – С. 932–940.

11. Бурмагин С. В. Проблемы применения решений Европейского Суда по правам человека при рассмотрении уголовных дел судами Российской Федерации / С. В. Бурмагин // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 299–309.

12. Prikhod'ko T. V. The judgments of the European Court of Human Rights as sources of standards of rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 10, № 7. – С. 1101–1108.

13. Лобанова Я. В. Роль Европейского Суда по правам человека в обеспечении свободы экономической деятельности / Я. В. Лобанова // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 46–51.

14. Кравченко Д. В. Некоторые «экономические» решения Европейского Суда по правам человека в контексте конституционной экономики / Д. В. Кравченко, А. А. Глущенко // Право и экономика. – 2014. – № 9. – С. 10–16.

15. Wollenschläger F. Fundamental Rights Regimes in the European Union: Contouring Their Spheres / F. Wollenschläger // Contemporary Issues in Human Rights Law / ed. Y. Nakanishi. – Singapore : Springer, 2018. – P. 23–49.

16. Колосова Н. М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики / Н. М. Колосова // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 36–47.

17. Приходько Т. В. Понимание ограничения прав и свобод человека и гражданина с позиции вмешательства / Т. В. Приходько // Академический юридический журнал. – 2019. – № 2 (76). – С. 13–18.

18. Плохова В. И. Условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере / В. И. Плохова // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 4. – С. 83–92.

19. Подмарев А. А. Вопросы ограничения прав и свобод человека и гражданина в современной конституции / А. Подмарев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 4 (99). – С. 141–145.

20. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – 6-е изд. – М. : Изд-во СГУ, 2011. – 520 с.

21. Приходько Т. В. Случаи ограничения прав и свобод человека и гражданина на примере России и Германии: сравнительно-правовой анализ / Т. В. Приходько // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 1. – С. 129–132.

22. Epping V. Grundrechte / V. Epping. – Hannover : Springer, 2005. – 486 s.

23. Krings G. Grund und Grenzen grundrechtlicher Schutzansprüche / G. Krings. – Berlin ; Steglitz : Duncker & Humblot, 2003. – 417 s.

24. Dietlein J. Die Kontrollbefugnis der Landesverfassungsgerichte – Überlegungen zu BVerfG, Beschl. vom 15.10.1997 – 2 BvN 1/95 / J. Dietlein // Jura. – 2000. – № 1. – S. 19–34.

25. Бажуков С. А. Соотношение понятий «естественные пределы права» и «ограничение права» на примере избирательных прав граждан / С. А. Бажуков // Юридические записки. – 2014. – № 2. – С. 63–69.

26. Гойман В. И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву / В. И. Гойман // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 20–43.

27. Жилина М. Л. Конституционно-правовые ограничения политических прав и свобод граждан Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / М. Л. Жилина. – Екатеринбург, 2005. – 204 с.

28. Пчелинцев С. В. О понятиях «пределы осуществления прав и свобод граждан» и «пределы ограничения прав и свобод граждан»: теоретические аспекты / С. В. Пчелинцев // Российский судья. – 2006. – № 4. – С. 21–25.

29. Balthasar A. Grenzen und Gefahren des Schutzes der Grundrechte / A. Balthasar. – Wien, 2009. – 325 s.

30. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. – М. : Норма, 2008. – 384 с.

31. Камышанский В. П. Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции / В. П. Камышанский // *Власть закона*. – 2016. – № 3 (27). – С. 15–27.
32. Barry J. M. Regulatory Entrepreneurship / J. M. Barry, E. Pollman // *Southern California Law Review*. – 2017. – Vol. 90, No. 3. – P. 383–448.
33. Ковлер А. И. Конституционная экономика в Европейском Суде по правам человека / А. И. Ковлер // *Ежегодник конституционной экономики*. 2018 / отв. ред. С. А. Авакьян, П. Д. Баренбойм, В. В. Комарова. – М. : Лум, 2018. – С. 148–167.
34. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Савилья. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 1072 с.
35. Нуссбергер А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод – конституция для Европы? / А. Нуссбергер // *Международное правосудие*. – 2019. – № 2 (30). – С. 3–19.
36. Коваленко С. И. Эволюционный подход Европейского Суда по правам человека к толкованию норм Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: периодизация / С. И. Коваленко // *Международное правосудие*. – 2018. – № 3 (27). – С. 77–92.

REFERENCES

1. Hirschl R. *Comparative Matters: The Renaissance of Comparative Constitutional Law*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 320 p.
2. Kruss V.I. Human rights restrictions and legal restrictions: problems of doctrinal distinction. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technique*, 2018, no. 12, pp. 205–213. (In Russ.).
3. Nikitina E.V. Limitation of constitutional human rights in legislations of subjects of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2015, no. 11 (27), pp. 35–48. (In Russ.).
4. Slobodchikova S.N. Free elections: the issue of permissible limitations of passive suffrage. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2019, no. 6 (174), pp. 64–66. (In Russ.).
5. Yakimova E.M. Admissible restrictions of constitutional rights and freedoms of the person and citizen in the sphere of business activity. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2018, no. 2 (55), pp. 49–54. (In Russ.).
6. Janis M.W., Kay R.S., Bradley A.W. *European Human Rights Law, Text and Materials*. Oxford University Press, 2008. 957 p.
7. Sajo A. *Self-restriction of power*, Short course of constitutionalism. Moscow, Yurist Publ., 2001. 292 p. (In Russ.).
8. Kruss V.I. *The theory of constitutional legal use*. Moscow, Norma publ., 2007. 752 p. (In Russ.).
9. Sahakyan A.G. The Human right to liberty and security of person criminal proceedings in Russia: practice European Court of Human Rights on the application of article 5 European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2018, no. 7, pp. 97–99. (In Russ.).
10. Slobodchikova S.N. Realization of the rights of convicts in the Russian constitutional-legal model of free elections. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 932–940. (In Russ.).
11. Burmagin S.V. Problems of using the decisions of the European Court of Human Rights in the criminal trials by the courts of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 299–309 (In Russ.).
12. Prikhod'ko T.V. The judgments of the European Court of Human Rights as sources of standards of rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2017, vol. 10, no. 7, pp. 1101–1108.
13. Lobanova Y.V. The role of the European Court of Human Rights in ensuring freedom of economic activity. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2017, no. 3, pp. 46–51. (In Russ.).
14. Kravchenko D.V., Glushchenko A.A. Some "economic" decisions of the European Court of Human Rights in the context of constitutional economics. *Pravo i ekonomika = Law and economics*, 2014, no. 9, pp. 10–16. (In Russ.).

15. Wollenschläger F. Fundamental Rights Regimes in the European Union: Contouring Their Spheres, in: Nakanishi Y. (ed.) *Contemporary Issues in Human Rights Law*, Singapore, Springer Publ., 2018, pp. 23–49.
16. Kolosova N.M. Direct action of the Constitution of the Russian Federation and the restriction of constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of judicial practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 36–47. (In Russ.).
17. Prikhodko T.V. The understanding of the human and freedoms limitations as rights intervention. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Legal Journal*, 2019, no. 2 (76), pp. 13–18. (In Russ.).
18. Plokhova V.I. Terms of legitimate restrictions of human rights and freedoms in criminal sphere. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2014, no. 4, pp. 83–92 (In Russ.).
19. Podmarev A.A. Issues on restrictions of rights and freedoms man and citizen in the modern constitution. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2014, no. 4 (99), pp. 141–145. (In Russ.).
20. Kerimov D.A. *Methodology of law: subject, functions, problems of the philosophy of law*. Moscow, MUH Publ., 2011. 520 p. (In Russ.).
21. Prikhodko T.V. The cases of human right's and freedom's limitation in Russia and Germany: comparative legal analysis. *Sibirskii yuridicheskii zhurnal = Siberian Law Herald*, 2012, no. 1, pp. 129–132. (In Russ.).
22. Epping V. *Grundrechte*. Hannover, Springer Publ., 2005. 486 p. (In German).
23. Krings G. *Grund und Grenzen grundrechtlicher Schutzansprüche*. Berlin, Steglitz, Duncker & Humblot Publ., 2003. 417 p. (In German).
24. Dietlein J. Die Kontrollbefugnis der Landesverfassungsgerichte – Überlegungen zu BVerfG, Beschl. vom 15.10.1997 – 2 BvN 1/95. *Jura*, 2000, no. 1, pp. 19–34. (In German).
25. Bazhukov S.A. Relationship between the concepts «natural limits of human rights» and «human rights restriction» on the example of electoral rights. *Yuridicheskie zapiski = Legal briefs*, 2014, no. 2, pp. 63–69. (In Russ.).
26. Gojman V.I. Principles, limits, grounds for restricting human rights and freedoms under Russian law and international law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1998, no. 7, pp. 20–43. (In Russ.).
27. Zhilina M.L. *Constitutional restrictions on the political rights and freedoms of citizens of the Russian Federation*, Cand. Diss. Yekaterinburg, 2005. 204 p. (In Russ.).
28. Pchelintsev S.V. On the concepts of "the limits of the exercise of the rights and freedoms of citizens" and "the limits of the restriction of the rights and freedoms of citizens": theoretical aspects. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2005, no. 4, pp. 21–25. (In Russ.).
29. Balthasar A. *Grenzen und Gefahren des Schutzes der Grundrechte*. Wien, 2009. 325 p. (In German).
30. Ebzeev B.S. *Personality and state in Russia: mutual responsibility and constitutional obligations*. Moscow, Norma Publ., 2008. 384 p. (In Russ.).
31. Kamyshansky V.P. Limits of freedom and restrictions of entrepreneurs rights in a competitive environment. *Vlast' zakona = Power of Law*, 2016, no. 3 (27), pp. 15–27. (In Russ.).
32. Barry J.M., Pollman E. Regulatory Entrepreneurship. *Southern California Law Review*, 2017, vol. 90, no. 3, pp. 383–448.
33. Kovler A.I. Constitutional Economics at the European Court of Human Rights, in: Avak'yan S.A., Barenboim P.D., Komarova V.V. (eds.) *Ezhгодnik Konstitutsionnoi ekonomiki. 2018*, Moscow, Lum Publ., 2018, pp. 148–167. (In Russ.).
34. De Salvia M. *Precedents of the European Court of Human Rights. Guidelines on judicial practice relating to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Judicial practice from 1960 to 2002*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 1072 p. (In Russ.).
35. Nussberger A. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms – Constitution for Europe? *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2019, no. 2 (30), pp. 3–19. (In Russ.).
36. Kovalenko S.I. The evolutionary approach of the European Court of Human Rights to the interpretation of the norms of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: periodization. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International justice*, 2018, no. 3 (27), pp. 77–92. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якимова Екатерина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой конституционного и административного права
Байкальский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11
E-mail: yakimova_katerin@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 1204-6864; AuthorID: 525314
ORCID: 0000-0002-2951-4131
Scopus AuthorID: 57190028296

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Якимова Е.М. Практика Европейского Суда по правам человека в определении «коридора» допустимых ограничений свободы предпринимательской деятельности / Е.М. Якимова // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 205–215. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).205-215.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ekaterina M. Yakimova – PhD in Law, Associate Professor; Acting Head, Department of Constitutional and Administrative Law
Baikal State University
11, Lenina ul., Irkutsk, 664003, Russia
E-mail: yakimova_katerin@mail.ru
RSCI SPIN-code: 1204-6864; AuthorID: 525314
ORCID: 0000-0002-2951-4131
Scopus AuthorID: 57190028296

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Yakimova E.M. Practice of the European Court of Human Rights in defining the range of permissible restrictions on the freedom to conduct a business. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 205–215. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).205-215. (In Russ.).